

Роман

БЕССТИХИЙНИЦА

ОЛЬГА ХОЛОДУХИНА

18+

Ольга Холодухина

Бесстихийница

<https://litres.ru/74339608>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бесстихийница — это глубокая и чувственная современная проза в жанре автофикшена, где личная драма разворачивается на фоне мистической географии. Оказавшись в эпицентре жизненного шторма, героиня теряет прежние ориентиры. История города тесно переплетается с ее собственной судьбой, а старинные городские легенды внезапно начинают оживать на улицах. Пытаясь нащупать почву под ногами, она совершает побеги в путешествия и отчаянно цепляется за светлые детские воспоминания, где неизменным спутником и хранителем домашнего тепла остается пушистый кот. Раньше она умела подбирать ключи к чужим замкам, но безответная романтическая любовь и внутренний кризис заставляют ее заглянуть в собственную пустоту. Опираясь на оккультную традицию, она обнаруживает, что она — бесстихийница, чистый лист без врожденных рамок и готовых опор. Балансируя между уязвимостью и силой, героиня собирает свой стихийный каркас с нуля, чтобы переписать сценарий своей жизни и выйти из бури навстречу собственному солнцу.

Содержание

Глава 1. Тёма	4
Глава 2 Князь	14
Глава 3. Бесстихийница	33
Глава 3. Бесстихийница	34

Ольга Холодухина

Бесстихийница

Глава 1. Тёма

Диалоги в этой книге реальны, события кажутся безумным вымыслом, а имя на обложке — действительно моё. Сегодня я наконец могу отступить на шаг назад, стать зрителем собственной жизни и показать её вам.

Имена ныне живущих участников событий изменены. Любые совпадения прошу считать случайными.

«...Книги — только одно из вместилищ, где мы храним то, что боимся забыть. В них нет никакого волшебства. Волшебство лишь в том, что они говорят, в том, как они сшивают лоскутки Вселенной в единое целое».

— Рэй Брэдбери

Глава 1. Тёма

Февральский вечер плавно перетекал в ночь, стрелки на часах давно пересекли рубеж десяти вечера. Я помахала приветливо в отъезжающем такси и вошла в супермаркет. Купила продукты и поспешила домой через небольшой сквер. Ели сверкали белыми нарядами, под ногами игриво поскрипывал снег, а я улыбалась своим мыслям о рыжем пушистике, который встретит меня у двери. Привычным движением

засунула руку в карман и осознала, что в нём нет ключа от дома. Затем обыскала все карманы куртки, перетрясла вещи в сумке — пусто.

Сердце бешено забилося в груди, накатил липкий ужас. Я выдохнула и постаралась успокоиться. Первым делом набрала номер такси.

— Здравствуйте, это пассажирка, которую вы примерно полчаса назад высадили у «Красного Яра». Я потеряла ключи от дома. Посмотрите, пожалуйста, может, они где-то в салоне машины остались?

— Вам на этот номер перезвонить? Через пару минут закончу заказ и смогу посмотреть.

— Да, на этот.

Через несколько минут телефон ожил.— К сожалению, я ничего не нашёл, — раздался мужской голос в трубке.

— Благодарю, что пытались мне помочь, — ответила я.— Доброй ночи!

«Сын уже вторую неделю гостит у друзей в Санкт-Петербурге. Запасных ключей у соседей не оставляла, значит, попробую пройти по своему маршруту и поискать, даже если шанс найти маленькую железку в снежной каше — один из ста. Вдруг повезёт».

Уже далеко за полночь. Час. Два. Третий... Я в третий раз шла по одному и тому же маршруту: дом, магазин, студия. Под ногами скрипел снег, изредка были слышны звуки проезжающих машин, и монотонно мигали жёлтым светофоры

на каждом переходе. Телефон предательски разрядился, пока я разговаривала с диспетчером из службы по вскрытию замков. Я уже трижды проверила каждый метр этого пути, где могла обронить ключ, — и безрезультатно.

«Хорошо, что я тепло одета и сегодня всего минус два. Заночую на работе, а утром вызову мастера и поменяю замок», — подумала я, топая из последних сил по тротуару и вспоминая нашу первую встречу с котом. Это была любовь с первого мурчания. В один из душных июльских вечеров 2011 года я уже начала проваливаться в сон, как вдруг из подъезда стал доноситься истошный крик:

— Мама, мама, ма-а-а-ма-а-а!!!

«Ну что за люди, эти наши новые соседи», — подумала я, завязывая халат. Резко открыла дверь в подъезд с намерением выкатить претензию. Но меня встретила тишина.

Опустив взгляд на пол, я с удивлением увидела малюсенького пушистого котёнка. Он напоминал оранжево-белый одуванчик с торчащим хвостом. Моё сердце ухнуло от неожиданности, и я быстро закрыла перед ним дверь. Прислонилась спиной к косяку и лихорадочно начала соображать.

Через минуту я осмотрела холодильник, а через две уже вышла в подъезд с миской молока, кусочками молочной сосиски и старой футболкой. Котёнок ютился у лифта, беззвучно разевая рот. Он был напуган, голоден и охрип. Я поставила миску на пол, постелила рядом футболку. Пушистик с

жадностью набросился на еду. Наевшись, он замурчал... А я подумала: «Возьму его на ночь. Утром позвоню в кошачий приют своей приятельнице, и мы найдём для него уютный дом».

Вскоре мы вместе с сыном искупали этого малыша в ванной, укутали в махровое полотенце и оставили на ковре в комнате. Рядом положили плюшевого львёнка. Котёнок оказался настоящим породистым сибиряком. Характерная коричневая буква «М» на лбу, белые лапки, кудрявая белоснежная манишка, аккуратный розовый носик и красивый разрез глаз.

Ещё не успев обсохнуть, пушистик вскарабкался к сыну в постель и лёг на подушку. Они как-то быстро заснули, а я любовалась ими и слушала их сопение. Утром мы вместе с сыном пошли в зоомагазин. Купили корм, игрушки и лоток.

— С вас две тысячи пятьсот рублей, — озвучила сумму кассир.

Как только мы вышли на улицу, Алекс спросил:— Мама, а если мы оставим котенка себе, ты больше не будешь покупать мне игрушки?

— Почему? Будем, конечно.

— Ну ты же потратила на него столько, сколько тратишь на мои игрушки каждые выходные.

— Не волнуйся, сынок, у меня хватит денег на вас обоих.

— А, ну тогда ладно. Давай его оставим.

Назвали котёнка Тёмочкой. Так у нас появился третий

член семьи. Правда, почти сразу мы столкнулись с тем, что вместо лотка он стал ходить на новый пушистый ковер под кроватью сына. Тыкать носом и возвращать его в лоток оказалось бессмысленно. Я изучила форумы, где люди рассказывали о своем опыте по уходу за котами. Один метод мне показался логичным, и я решила попробовать. Смысл был в том, что пищеварительная система котенка напоминает систему младенца: поел — сходил.

Я поставила лоток в уборной рядом с унитазом и после кормежки сажала Пушистика в него, а сама садилась рядом. Как только он заканчивал свои дела, я гладила его по голове и хвалила. Потом брала на ручки и чмокала в мордочку. За месяц он привык и сам начал ходить куда нужно. Самое трогательное и забавное во всей этой ситуации то, что потом он ходил в туалет вместе со мной, как хвостик.

Кроме кота у нас жили два волнистых попугайчика — Кай и Герда. Когда Тёма научился запрыгивать на подоконник, он садился на крышу их клетки и пытался выудить птиц лапой. Малыш рос, становился все тяжелее. Однажды конструкция не выдержала, и он провалился внутрь. Перепугался сам и до смерти напугал пернатых. После этого случая Тёма просто садился рядом на подоконник и мирно намывался до блеска — он был настоящим чистюлей.

Возвращаясь домой с работы, я всегда приносила с собой что-нибудь вкусненькое. Едва переступив порог, громко звала: «Сынок, я дома!» Они тут же выбегали вдвоем и прини-

мались проверять пакеты. Первый год между ними шла конкуренция за мое внимание. Ревновали, если я обнимала кого-то одного.

Звуки пронёсшейся мимо машины вернули меня в реальность. Все обычные способы найти ключ не увенчались успехом... И тогда я вспомнила о школе магии. Я случайно наткнулась на её сайт в сети.

Интерфейс сайта завораживал своей мистикой. Никаких привычных квадратных иконок — разделы были разбросаны как живые миры на ветвях древа Иггдрасиль. Факультеты уходили корнями куда-то вглубь экрана, а рядом светились онлайн-библиотека и видеоуроки. Всё это очень напоминало атмосферу Хогвартса, только оцифрованную и перенесённую в интернет.

Я долго изучала этот сайт, кликая по ветвям-ссылкам — и каждый раз мне казалось, что из динамиков доносится едва слышный шелест листьев. Побродила по виртуальным коридорам всех факультетов и даже скачала одну книгу с интригующим названием «Хитросплетения судьбы, или В каком измерении ты живешь». Затем открыла раздел медиатеки и посмотрела несколько коротких лекций.

Особенно мне запомнилось одно видео про хозяина места. Спокойным, почти гипнотическим голосом автор рассказывал, что у каждого города, у каждого клочка земли есть свой истинный правитель — древний дух, Князь или Княгиня. Город — это не просто асфальт и бетонные коробки, это

живой организм, и у него есть воля.

«Чтобы установить связь, поздоровайтесь с князем, расскажите, кто вы, и объясните, чего хотите. Внимательно следите за знаками. Если он будет готов вам помочь, то знаки будут сразу, и они, как правило, недвусмысленные», — вспоминала я слова из видео.

«Ты ничего не теряешь, попробуй», — подумала я. Подходя к крыльцу дома, где находилась студия, я вдохнула поглубже и произнесла вслух:

— Дорогой князь Красноярска, духи этого места, пожалуйста, помогите мне найти ключи. Мой кот очень голоден, он совсем один там, в темноте. Он ждёт меня и не понимает, почему его бросили.

Ничего вроде бы не произошло. Но в какой-то момент внимание привлекло маленькое розовое пятнышко в тусклом свете одинокого фонаря у подъезда. Не веря своим глазам, я подошла ближе и чуть не расплакалась от счастья. Это были ключи от квартиры. Они лежали на пандусе, прямо у верхней ступеньки крыльца. Я спрятала их во внутренний карман и застегнула его наглухо. Мысленно поблагодарив за этот подарок, буквально побежала домой со всех ног.

Как вдруг меня остановило видение. Оно словно зависло в морозном воздухе. Передо мной полубоком стоял князь города К. — молодой, статный, высокий мужчина. Он смотрел спокойно и уверенно: благородный нос с горбинкой, азиатский разрез глаз, густые красивые брови и темные волосы,

собранные в хвост.

Длинный плащ и шкура на плечах подчеркивали его величие. Князь выглядел как истинный правитель этой земли до 1628 года. Невероятно красивый, он веял первозданной силой и спокойствием. В то же мгновение я услышала его безмолвную речь, прозвучавшую прямо у меня в голове:

— Не переезжай в другой город до августа. Иначе кот не доживет до нового года, умрет раньше.

Он повернулся, сделал шаг в темноту и растворился в ней.

— Хорошо, — прошептала я, всё ещё находясь под глубоким впечатлением от этой встречи.

«Почему умрёт и почему до августа? Доктор ведь сказал, что ничего страшного», — пронеслось в мыслях... По пути к дому они скакали, как испуганные кролики, то возвращаясь к образу князя, то к его словам. «Может, от усталости померещилось?» — успокаивала я себя, хотя кот и вправду был не совсем здоров.

В памяти глубоко засело воспоминание о первой осени после пандемии. Тогда я рванула в Сочи — это было абсолютно спонтанное путешествие. Всего за один день успела поставить прививку, получить сертификат, купить билеты и оплатить отель. Почти вся поездка прошла в маске, только это не имело значения — я дышала свободой.

Всё изменилось по возвращении. Прижимая к себе любимого пушистика, я вдруг почувствовала неприятный запах из его уха. На следующий день мы поехали на такси в кли-

нику. Там озвучили неутешительный диагноз — рак. Ветеринар сказал, что пока кот выглядит здоровым, а со временем начнёт сдавать. Предложили операцию, выписали кучу направлений на анализы.

Тот вечер я полностью проревела, а наутро отправилась в другой центр, где Тёму комплексно обследовали. Он даже позволил сделать УЗИ живота. В итоге нас успокоили: нужно просто месяц прокапывать ухо, пить таблетки и не давать ему чесаться. И вот теперь древний дух города напоминает мне про этот кошмар.

Так размышляя, я добрела до дома. Лифт послушно отсчитывал этажи: второй, третий, четвертый... и замер на восьмом. Я открыла дверь в темноту прихожей. Яркий свет из подъезда выхватил заспанную мордочку кота. Он смешно щурился. Мой красавец сибиряк из крошечного малыша вырос в роскошного, пушистого кота.

— Пушистикен, прости, что меня так долго не было. Иди ко мне, мой хороший.

Я вошла в квартиру, включила свет, бросила сумки прямо на пол и крепко обняла своего любимца. Тёмочка уткнулся носом в мои волосы и громко замурчал. Покормив его, я наспеш приняла душ, и мы вместе легли спать в комнате сына, до носа укутавшись в теплое одеяло. В квартире было прохладно: едва на улице немного теплело, городские службы сразу убавляли отопление до санитарного минимума.

Вдруг телефон в темноте снова ожил. Экран высветил имя

сына, а из динамика раздался его бодрый голос:

— Привет, мам! Как дела? Хочешь посмотреть, где я сегодня побывал?

— Конечно! Отправляй фото, я с огромным удовольствием посмотрю, — ответила я, пытаясь скрыть сонную хрипоту.

— У тебя точно всё в порядке? Голос какой-то не такой.

— Да, всё хорошо, — улыбнулась я в трубку.

И я вкратце рассказала ему о своих безумных ночных поисках ключа у подъезда, сознательно умолчав о странном видении.

— Мам, ну а почему ты мне сразу не позвонила? — с легким упреком спросил сын.

— Не хотела тебя волновать, родной. Ты ведь далеко, всё равно ничем не смог бы мне помочь в этот момент, — мягко ответила я.

— Ну, в принципе, да... — задумчиво протянул он.

Мы тепло пожелали друг другу добрых снов.

Звонок прервался. Я ещё какое-то время рассматривала отправленные фото, а мыслями находилась за тысячи километров, рядом с сыном. В эту ночь я засыпала под мирное мурчание пушистика. Но сон вернул меня в далёкое прошлое — в моё самое первое, детское знакомство с Красноярском.

Глава 2 Князь

«Если человек чего-то не знает, он этого боится. Но если вы чего-то не знаете — это не значит, что этого не существует. Это значит лишь то, что пространство оставило для вас место для магии».

— Ксения Меньшикова

ГЛАВА 2. КНЯЗЬ

Во сне я с восторгом рассказывала маме о поездке в Красноярск:

— Мама, мама, я качалась на качелях с настоящей невестой! А еще она взяла меня покататься в машине! А потом мы с бабушкой ехали в поезде и шли по большому-большому мосту. Я там видела настоящие паровозы!

Я снова видела себя маленькой девочкой, которую бабушка крепко держит за руку. Мне было всего три с половиной года. Так совпало, что в начале июля родилась моя младшая сестрёнка, а бабушку с дедушкой родственники из Красноярска как раз пригласили на свадьбу.

Папа был очень молод и только учился ответственности. На радостях от рождения дочери он попросту оставил меня в ночной группе детского сада — в советские годы это было официальной практикой на случай вот таких экстренных семейных ситуаций. Узнав об этом, бабушка с дедушкой ре-

шитительно забрали меня к себе прямо перед своим отъездом.

Мы ехали ночным поездом. Он ритмично стучал колесами: тук-тук, тук-тук. Вагон мягко покачивался, убаюкивая пассажиров. А утром перед самым прибытием всех разбудил проводник. Я открыла глаза и сразу прижалась носом к стеклу.

За окном вагона вырос ОН — стальной великан, перекинутый через могучий Енисей. Передо мной стремительно замелькали его огромные ажурные фермы, навсегда впечатываясь в мою детскую память. За рекой, сколько хватало глаз, высились невероятные горы, окутанные утренней дымкой. Мечтательные и безмолвные, для меня они были живой сказкой, охраняющей этот сонный край.

Много позже я узнаю, что это знаменитый Красноярский железнодорожный мост — настоящий шедевр инженерной мысли, созданный выдающимся инженером Лавром Проскуряковым. В 1900 году на Всемирной выставке в Париже его модель получила Гран-при и Золотую медаль, наряду с самой Эйфелевой башней.

А потом замелькали шумные, счастливые молодожёны, пышное белое платье невесты, взлетающее к синему небу на качелях, и залитая солнцем машина, которая везла нас вглубь незнакомых улиц. Это был самый первый, неосознанный подарок, который сделал мне город — ощущение абсолютного праздника. Этот сон укутал меня таким теплом, что, когда на рассвете зазвенел будильник, мне долго не хотелось

просыпаться.

Пока шла по улице в студию пилатеса, в голове крутились слова Князя. Морозный воздух казался непривычно тяжелым. Полгорода еще спало, а в моей душе уже вовсю шла невидимая борьба между здравым смыслом и тем, что я пережила у подъезда. «Ладно, вечером приду домой и отыщу старые городские хроники», — пообещала я себе.

Моя рутина специалиста по движению началась ровно в восемь утра. Привычные команды, позы, контроль чужого дыхания и движений — всё это требовало моей концентрации. Тело механически выполняло свою работу, но мысленно я то и дело возвращалась в пустую прохладную квартиру, где остался Тёмочка.

В обеденный перерыв я устроилась с книжкой у окна в «Академии кофе». Мне нравится это атмосферное место: звуки кофемашины, аромат кофе и выпечки, янтарный солнечный свет из больших окон — всё это приятно заземляет. Потом сходила домой, покормила кота, отдохнула и к шести вечера снова вернулась на работу.

Без пяти восемь раздался привычный звук домофона. Ко мне шёл Паша — каждый вторник и четверг по традиции заканчивались тренировкой с ним. Через пару минут я открыла дверь, и на пороге показался он.

— Привет!

— Привет! Проходи. Сейчас я подготовлю оборудование, и начнём.

За два года общения мы незаметно сблизились до глубоких, душевных разговоров. Мы обсуждали всё на свете: погоду, работу, медитацию, мораль книг и семейные истории, делились впечатлениями от прошлых поездок.

Наши занятия часто затягивались — вместо положенного часа мы могли провести вместе два, а потом ещё минут тридцать простоять в дверях перед прощанием.

Он всегда уходил по-особенному: выходил из студии спиной в подъезд и неотрывно смотрел мне в глаза.

Мы оба голубоглазые. Летом мы превращаемся в смуглых, загорелых аборигенов. На фоне моих длинных каштановых кудрей его короткая стильная стрижка и королевское бритьё выглядели особенно эффектно. Рядом с ним я чувствовала себя малышкой. Хотя при моей спортивной комплекции меня трудно назвать хрупкой, Паша был по-настоящему высоким и мощным.

Иногда он не успевал переодеться после работы и приходил прямо в офисном костюме, напоминая голливудского мачо. Непросто, наверное, его коллегам-женщинам находиться с ним рядом — такие мужчины чертовски волнуют кровь. Вот и я поймала себя на том, что испытываю к нему глубокую, совсем не рабочую привязанность.

Ближе к концу занятия начались те самые душевные разговоры. Паша увлечённо рассказывал, как прошёл его день и какие острые моменты случились на работе, а я в подробностях расписывала ему свои недавние ночные поиски ключа.

— Помнишь, я говорила, что осенью потеряла чип от домофона? Пришлось сидеть на качелях и ждать сына из колледжа, потому что не могла попасть в подъезд, — улыбнулась я.

— Да, помню, — отозвался он.

— Знаешь, как детям в детстве рукавички на резиночке через рукава продевают, чтобы не терялись? — я не сдержала смех.

— Точно! У меня в детстве такие же были.

— Вот и мне, похоже, пора ключ на резиночку пришивать, чтобы не теряла.

— А сын надолго в Питере? — неожиданно спросил Паша.

— На пару недель точно, обратный билет уже на руках. Но, может, и дольше останется — его ведь всегда можно поменять.

Про то, как отчаянно просила помощи у князя города К., я предпочла умолчать. Слово за слово, и вот я уже тянусь за телефоном, чтобы показать ему видео с той самой новогодней ночи. Это было совершенно безумное, ни на что не похожее приключение. О таком точно не услышишь каждый день. Слушайте. Я сейчас и вам расскажу.

— До новогодних праздников оставалось всего два дня. Сын запланировал себе кучу мероприятий, а я настраивалась провести эти дни дома с котом. Вечером тридцатого декабря перед сном захотелось позаниматься йогой. Выключила свет в комнате, чтобы дать глазам отдых и сконцентрироваться на ощущениях в теле. Оставила лишь тонкую полоску света из прихожей. Расстелила коврик, подышала, мягко прошлась по асанам: собака мордой вверх, вниз... слушала свое дыхание. Практику закончила шавасаной, поэтапно расслабляя все суставы, мышцы, нервную систему и сердечный ритм.

Эту технологию расслабления я изучила по трудам Сатьянанды Сарасвати и Тирумалай Кришнамачарьи, и всегда с благодарностью вспоминаю об этих великих учителях.

Лежу, голова абсолютно ясная, мыслей нет... и вдруг тишину нарушило бряканье телефона. Я открыла сообщение и удивлённо воскликнула вслух: «Счастливые люди! Вот бы и мне так! Тоже хочу билеты на самолёт за две тысячи!» Новость пришла в телеграм-канал с распродажами билетов из Москвы.

«А вдруг мне повезёт, и я найду что-то подобное из Крас-

ноярска?» — промелькнула шальная мысль, и я тут же открыла приложение «Аэрофлота». Куда лететь? Из Сочи вернулась всего неделю назад. В Москву не тянуло, а вот в Питер — с огромной радостью. Я крутила даты, перебирала рейсы, и с пятой попытки мне всё-таки удалось забронировать билеты туда и обратно за невероятные 4048 рублей!

Был, правда, один нюанс: на всё про всё в Санкт-Петербурге у меня оставалось около двенадцати часов, а сам вылет стоял всего за несколько часов до боя курантов. Как только бронь подтвердилась, я подскочила с коврика и от волнения принялась буквально бегать по квартире.

— Мам, у тебя всё в порядке? — раздался сонный голос сына из спальни.

— Да, всё хорошо! Сын, ты не против, если я в новогоднюю ночь улечу в Питер, а утром вернусь?

— Нет, конечно, я же всё равно уеду к друзьям, — отозвался Алекс.

— Я нашла супердешёвые билеты, бронь подтвердилась. Это шанс исполнить мечту! Приготовлю тебе праздничный ужин и уеду в аэропорт, хорошо?

— Ок! — легко согласился он.

— Я познакомлюсь с городом и открою путь для тебя, чтобы ты смог полететь туда в феврале, — сказала я и оплатила бронь.

Тут же, затаив дыхание, написала приятельницам. Ася перебралась в Санкт-Петербург ещё в пандемию, а Люда уже несколько дней находилась там со своим мужчиной в романтической поездке. Я собиралась лететь в город мечты впервые, поэтому педантично выпытывала у девочек каждую деталь: как добраться из аэропорта до метро, как потом дойти до Дворцовой площади, чтобы пересечься с Людой, и каким маршрутом ехать к Асе.

Через час у меня уже был готовый план в деталях. Я перенесла его на лист бумаги, вырванный из тетрадки, и положила во внутренний карман парки.

На следующее утро я рванула в магазин за правильной обувью под коварную питерскую погоду. В Street Beat мне повезло отхватить суперклассные, высокие и стильные кеды от французского бренда — тёплые, как сибирские валенки. Они оказались настолько идеальными, что за всю поездку я ни разу не натёрла ноги (и позже, уже вернувшись домой, без раздумий купила себе точно такие же, вторые).

Больше всего меня грела одна безумная мысль. Я сотни раз видела у блогеров в сторис, как они умудряются отпраздновать Новый год дважды за ночь: сначала на высоте одиннадцати тысяч метров, а затем в городе прилёта. Этот трюк

с разницей часовых поясов казался мне настоящим волшебством. И мне до бабочек в животе хотелось пережить это самой.

В аэропорт я выехала в режиме строжайшей секретности. Я до конца не верила, что свой 2024 год встречу в Санкт-Петербурге — уж больно низкой была цена за билеты. «Никому ни слова, пока не сяду в самолёт», — упрямо твердила себе. Дорога до терминала промелькнула легко, до начала посадки оставался целый час. Я успела звякнуть сыну, а после уютно устроилась в кофейне. Праздничную безмятежность разрушило объявление из динамиков: буквально за пять минут до начала посадки рейс задержали.

Зал ожидания тут же загудел на сотни тревожных голосов. К счастью, паника оказалась преждевременной — на посадку нас пригласили уже через пятнадцать минут. Но этого времени мне хватило, чтобы познакомиться с двойняшками из Красноярска. Сёстры были моими ровесницами и походили друг на друга как две капли воды.

— Девочки, вы ждёте самолёт в Питер? — спросила я.

— Да! Меня Нина зовут, а это моя сестра Юля, — улыбнулась одна из них.

— Будем знакомы, я Ольга, — рассмеялась я. Слово за слово, мы быстро разговорились.

Оказалось, девчонки тоже ухватили «счастливые биле-

ты», как и я, только их обратный рейс был через сутки. Они регулярно летали в Санкт-Петербург с пятнадцати лет и знали его наизусть. Мы сошлись на том, что в Пулково держимся вместе и берём одно такси на троих до центра — так и бюджетнее, и быстрее.

Уже в самолете, устроившись в кресле, я написала сыну, поздравила сестру и брата. Сразу после моего сообщения на экран вывелся входящий от брата:

— Тётя Оля, ты где сегодня празднуешь? — раздался в трубке его голос. Он всегда меня так в шутку называет.

— Я в самолёте сижу. Твоя сумасшедшая сестра летит на одну ночь в Питер, а утром обратно. Передавай всем привет и мои поздравления!

— Удивила! С Новым годом, сестра! Оставайся такой же неугомонной. Ты нам такой нравишься!

Проводница провела инструктаж, и самолёт взлетел.

— С Новым годом по красноярскому времени, дорогие пассажиры! Вас поздравляет командир экипажа, — ворвался в полудрёму голос пилота.

В ту же секунду салон взорвался аплодисментами. Совершенно чужие люди, как один, хлопали в ладоши, выкрикивали поздравления и улыбались друг другу. Но вспышка ликова-

вания быстро угасла. В салоне приглушили свет, пассажиры потянулись к подушкам, и всё стихло. Лишь за бортом ровно и убаюкивающе пели двигатели. Самолёт шёл идеально, без единого намёка на турбулентность. Посадка была мягкой, под новые дружные овации — уже в благодарность экипажу.

До Нового года, теперь уже по питерскому времени, оставался всего час. Стрелки часов неумолимо поджимали. Прямо у трапа нас ждало маленькое чудо: Дед Мороз и Снегурочка угощали пассажиров мандаринами. Люди вокруг были взволнованы и, вдыхая морозный цитрусовый воздух, спешили поскорее разъехаться кто куда. В терминале Пулково мы быстро отыскивали друг друга в толпе, подхватили багаж и запрыгнули в вызванное такси.

Переодеваться в тёплое пришлось прямо на ходу, в салоне машины, изрядно смущая водителя. Мы пытались побыстрее натянуть на себя свитера и куртки: родной Красноярск провожал нас ласковыми минус тремя, а Петербург с порога обжёг суровыми шестнадцатью градусами ниже нуля. Я жадно прильнула к стеклу, пытаюсь рассмотреть в ночной темноте ускользающие детали города.

Меня слегка лихорадило от сладкого предвкушения, а в голове крутился чёткий праздничный маршрут. Сначала — на Дворцовую площадь, к величественному Зимнему дворцу. Там меня уже ждала влюблённая пара — тоже земляки. А после полуночи я собиралась нырнуть в метро и умчаться

к Асе, для которой везла особенный подарок из дома. План казался безупречным. Вот только у судьбы на эту ночь были совсем другие виды.

— И вот мы на Невском проспекте, — продолжала я, заново переживая те эмоции. — С одного его конца было совершенно не разглядеть, где он заканчивается. Мы оказались на самой обочине колышущейся толпы, пестрившей шапками, пальто и пуховиками всех мастей. Что удивительно — никто не толкался локтями. Все были в ожидании курантов.

До Нового года оставалось ровно пять минут! У девочек с собой были маленькие бутылочки шампанского из дюти-фри и пара пластиковых бокалов. Игристое разлили в мгновение ока. Мне тоже плеснули глоток — за компанию. В полночь толпа взорвалась и запустила гул, как огромный пчелиный рой.

Сотни рук одновременно вскинулись вверх, взрывая хлопушки, и улица как один человек выдохнула: «С Новым годом!»

Мы с радостью подхватили этот сумасшедший порыв:

— С Новым годом, Красноярск! — во весь голос крикнула Нина.

— С Новым годом! — в один голос отозвались мы с Юлей. Я достала телефон из кармана и принялась снимать на ви-

део эту невероятную сцену. Представь — сотни людей ликуют, обнимаются и поздравляют друг друга! Повсюду хлопают пробки шампанского, с треском рассыпаются искры бенгальских огней. Весь город в эту секунду казался огромной, живой, светящейся декорацией. Было светло как днём и невероятно красиво!

— Но сказка быстро столкнулась с суровой реальностью, — вздохнула я, глядя на Пашу, и продолжила свой рассказ. — Из-за мер безопасности концерты отменили и весь центр Санкт-Петербурга был перекрыт. Повсюду курсировали полицейские патрули. Чтобы попасть на Дворцовую площадь к главной новогодней ели, пришлось отстоять огромную, медленно двигавшуюся очередь.

Прежде чем нас пропустили, мы пережили досмотр вещей и прошли сквозь рамки металлоискателей. Все эти кордоны безопасности растянулись больше чем на час, и мой идеальный план окончательно рухнул. С Людой встретиться так и не удалось: Дворцовую разделили ограждениями, и она со своим мужчиной наглухо застряла с совершенно другой стороны площади. Пробриться друг к другу сквозь оцепление было нереально.

Зато с сестрами оказалось удивительно надежно и душевно. Поняв, что к Асе среди ночи я тоже уже не доберусь, я приняла спонтанное решение остаться с двойняшками до самого утра. Мы пешком обошли всю историческую часть города.

Ночной Питер обжигал морозным ветром. Хорошо, что некоторые заведения работали круглосуточно. Мы то и дело ныряли в уютные кофейни и ресторанчики-гриль, чтобы согреться и отдохнуть.

— Атмосфера там была совершенно особенная, — замороженно продолжала я. — Представь: вокруг люди общались на самых разных языках мира, пили кофе вместо алкоголя. Улицы были украшены так помпезно и торжественно, словно мы каким-то чудом окунулись в эпоху правления Екатерины Великой. Это был не просто город, это был город-бал!

Величественный Казанский собор, сказочный Спас на Крови, подсвеченный огнями Дом книги, замерзшая Мойка и, конечно, царский Зимний дворец...

Всё вокруг сияло, кружилось и дышало историей. Заячий остров, Петропавловская крепость, Фонтанка... И всё это мы успели обойти всего за одну ночь!

Яркие моменты я снимала на камеру.

Я топала прямо по разделительной полосе Невского проспекта в своих новых французских кедах и улыбалась. Мы с девчонками шутили: «Какая разница, какие у тебя кеды, если ты гуляешь в них в новогоднюю ночь по центру Питера!»

Ранним утром спустилась в метро, затем пересела на автобус, и через пятнадцать минут уже стояла в терминале аэропорта. Обратно долетела без происшествий. Почти всё вре-

мя в воздухе я настолько крепко спала, что даже шея затекла. Когда самолёт коснулся полосы в Красноярске, на дворе стоял глубокий вечер. По пути домой забежала за продуктами в «Командор» и наконец-то обняла своих любимых мальчиков. Я положила мобильный на подоконник и посмотрела на Пашу. Наша тренировка уже давно подошла к концу.

— А как ты отпраздновал? Мы ведь с тобой так особо и не поговорили на эту тему, — спросила я.

— Да как-то... особо рассказывать нечего, — уклончиво ответил он.

— Ну что, совсем было скучно в Геше? — с улыбкой поддразнила его я.

— Да нет, почему же, — Паша пожал мощными плечами и начал делиться своими впечатлениями от поездки.

Он рассказывал о заснеженных склонах Шерегеша, а я смотрела на него, слушала его голос и улыбалась.

Уже дома перед сном я забралась под одеяло вместе с пушистиком и занялась изучением истории места, на котором вырос Красноярск. Город К. поднялся на землях Тюлькиной землицы, там, где когда-то жило свободолюбивое племя аринцев.

Ими правил легендарный князь Тюлькю по прозвищу Ли-

са. Он искусно лавировал в политике между енисейскими кыргызами, монгольским Алтын-ханом и русскими казаками. Местные племена жили на богатых сибирских просторах, но были истощены постоянными набегами.

Князь Тюлькю миролюбиво встретил отряд Андрея Дубенского, поднявшийся по течению Енисея в поисках места для нового оборонительного острога. Но казаки не защитили племя от поборов. Напротив, аринцам пришлось платить тройную дань. Оставшись на родных берегах под этим тяжелым гнетом, некогда свободное племя со временем постепенно перестало существовать. Аринцы растворились среди качинцев.

Забылся их редкий язык, стёрлись кочевья, и только древние названия, которые мы, современные красноярцы, производим каждый день, до сих пор хранят их невидимые следы. Остров Татышев, речка Бугач, урочище Кум-Тигей — всё это было их домом. От этих мыслей мне стало грустно.

Я погладила кота и продолжила читать. На светящемся экране открывались всё новые подробности. Оказалось, аринцы сильно отличались от привычных нам коренных народов Севера: историки описывали их как людей европеоидного типа, высоких, светлоглазых и светловолосых. Я представила, как эти свободолюбивые люди ходили по тем самым местам, где я люблю гулять. Передо мной из древности проступал совсем другой Красноярск — шаманский, полный легенд и тайн.

Оценив дружелюбие местных племён и стратегическую выгоду этих земель, Андрей Дубенского понял: крепости здесь быть. Казаки остановились у слияния рек Енисей и Кача. Поражённый суровой красотой этого края, воевода отправил в Москву чертёж и грамоту царю Михаилу Фёдоровичу Романову со словами:

«На яру место угоднее, высоко и красно, и лес близко всякой есть, и пашенных мест и сенных покосов много, и государев де острог на том месте поставить мочно».

Строительство крепости велось силами трёхсот отважных казаков. Всего за две недели, с шестого по восемнадцатое августа, они возвели малый деревянный острог. И уже на следующий день, девятнадцатого числа, он был официально заложен. В первых государственных грамотах его именовали Новым Качинским острогом, но в народе сразу прижилось другое, поэтичное имя — Красный Яр. Так Дубенский назвал эту землю за красоту здешних склонов и алые глиняные обрывы речного берега.

Сейчас на территории бывшей крепости раскинулась площадь Мира. Она возникла на пепелище после того, как в 1773 году старый острог окончательно сгорел. Позже город начали восстанавливать по строгому проекту и подобию Санкт-Петербурга, дав ему чёткую линейную планировку. Пространство крепко связало эти два центра невидимыми

стальными нитями времени.

Много позже я узнаю, что именно из Санкт-Петербурга придет еще один сакральный знак: 5 октября 1822 года там будет подписан императорский указ, по которому Красноярск официально признают столицей огромной Енисейской губернии.

А ведь всего через два года после основания город едва не исчез. В 1630 году из Москвы пришёл суровый приказ — снести острог как неперспективный. Молодую крепость посчитали бесполезной обузой для казны, а енисейские воеводы засыпали столицу доносами. Дубенскому пришлось уехать, чтобы отстаивать своё детище на суде.

Город спасли сибирские расстояния — пока царская грамота месяцами шла по таёжным тропам, кочевники снова пошли в набеги. Соседние воеводства первыми забили тревогу, понимая: без Красного Яра падут и они. Москва отступила. Андрей Дубенского отвоевал свой острог на бумаге, доказав, что эта земля — нужна.

Сегодня историческое место основания в народе зовут Стрелкой. На нем высится величественная Триумфальная арка, возведенная в 2003 году к 375-летию города — в память о тех самых трехстах казаках, изменивших судьбу этой земли.

И каждый вечер на здании музейного центра зажигается слово «Свобода». Впервые я замечу его, когда пойду бродить

по набережной после новогодней поездки в Питер. Теперь эта традиция обрела для меня иной смысл. Я живу в городе, который когда-то вопреки всему появился на карте и подарил многим свободу.

Глава 3. Бесстихийница

«Род кровный и Род духовный — не всегда одно и то же. Иногда тот, кто должен быть защитой по праву крови, оставляет тебя. И тогда включается иная сила — сила тех, кто берёт за тебя ответственность и становится твоим истинным оберегом». — Ксения Меньшикова

Глава 3. Бесстихийница

Я положила телефон на прикроватную тумбочку и поуютнее закуталась в одеяло.

Кот мирно сопел у меня под мышкой. Мы оба скучали по Алексу. Он впервые уехал из дома надолго.

«Наверное, поэтому я сегодня так остро ностальгирую», — подумала я и продолжила погружаться в воспоминания.

На следующий день после возвращения из Питера мне захотелось пройтись по заснеженного центру Красноярска, словно повторяя прогулку по Невскому в новогоднюю ночь. Это было второго января. Около восьми вечера я оказалась на проспекте Мира. Он сверкал иллюминацией, а праздничные инсталляции у каждого заведения создавали атмосферу зимней сказки. Я всматривалась в архитектуру зданий, словно туристка. Так я добрела до музея Сурикова, свернула направо и дошла до кофейни.

Smith встретил меня мягким светом, обилием зеленых растений и легким налетом колониального стиля, дарившего ощущение летнего отпуска. На потолке неторопливо вращались широкие деревянные лопасти вентиляторов, разгоняя застоявшееся время.

За столиками сидели редкие парочки, пахло кофе и корицей. Я устроилась возле окна. Официант подал горячее какао. Я пила его маленькими глотками и рассматривала пи-

терские фото в телефоне. «Интересно, а как там Пашка? Наверное, весело проводит время в „Грелке“ и носится на сноуборде», — подумала я. Он всё больше занимал моё внимание. Не хотелось признавать, но, кажется, я начала влюбляться, ревнуя к его свободной холостяцкой жизни.

Подошедший официант отвлек меня:

— Девушка, мы скоро закрываемся. Вы не против, если я вас рассчитаю?

— Я не против.

— У вас есть наша карта?

— Да, вот.

В девять вечера я вынырнула на улицу и, подставляя лицо под хлопья мокрого снега, побрела на набережную. Она была абсолютно пуста. Ни одного случайного прохожего. Над незамерзающим Енисеем поднимался густой белый туман, окончательно стирая границы реальности.

В темноте показался шпиль Речного вокзала, застрявший в низких серых облаках. Возведенное в 1952 году здание в этой январской мгле казалось огромным бледным призраком, заброшенным посреди Сибири круизным лайнером. Монументальный сталинский ампи́р, пустые террасы, где сейчас гулял только ветер. Под гитарные переборы Poets of

the Fall, зазвучавшие в наушниках, вокзал выглядел декорацией к ненаписанному роману.

В 1958 году деревянный макет этого шедевра возили в Брюссель на Всемирную выставку, где утонченные европейцы присудили ему серебряную медаль. Красивый, триумфальный фасад. Но под ним всегда скрывалась темная изнанка — вокзал строили заключенные Норильлага. И в этом он напоминал Питер, откуда я только что прилетела: та же безупречная красота, возведенная на костях.

Над Культурно-историческим центром внезапно загорелись огромные буквы: С В О Б О Д А. Они излучали холодный белый свет и едва слышно, натянуто потрескивали — точь-в-точь как старые люминесцентные лампы в пустых школьных коридорах. Картина выглядела чистым сюрреализмом. Эта неоновая надпись, парящая над туманной сибирской рекой, словно насмехалась над моей попыткой сбежать от мыслей о Пашке.

Мне стало зябко и захотелось спрятаться от этих мистических сумерек. Я снова посмотрела на шпиль и нырнула в теплое воспоминание о том, как совсем недавно мы с подругой ходили на открытие ресторана «Садко».

За массивными дверями нас встретил совершенно другой мир — приглушенный гул голосов, звон бокалов и запах дорожной кухни. Весь этот богемный шик напоминал подводное царство из одноимённой сказки.

— Слушай, Аня, атмосфера ресторана словно срисована

из моей детской книжки! Она лежала в большой стопке на нижней полке в шкафу со стеклянными дверцами. — сказала я, разглядывая полумрак зала.

— Да, есть здесь что-то из сказки, — согласилась она, пригубив свой напиток.

— Я тебе рассказывала, как я вообще научилась читать? — спросила я, улыбнувшись нахлынувшим мыслям.

— Нет, расскажи сейчас, — попросила Аня.

— Окей! Представь: мне шесть, лето, жара, и я иду за руку с папой по улице. Мы проходим мимо местного рынка, и на массивных воротах я вдруг нараспев, вслух читаю слово: «Ба-з-а-р».

— Что это ты сказала? — удивился тогда папа, остановившись.

— На воротах написано «базар»! — парировала я с безграничной детской гордостью.

— Да ты просто и так знала, что это базар, — добродушно усмехнулся он. — А давай-ка вот тут прочитай.

И он указал пальцем на вывеску гастронома чуть дальше

по улице. Я прочитала и её. Так, буква за буквой, мы дошли до дома. Папа с порога увлеченно рассказал обо всем маме, но она ни в какую не поверила.

Потому что еще накануне вечером мы с ней изучали азбуку и остановились всего лишь на букве «В». Мама тогда пришла после работы очень уставшая, единственное, чего ей хотелось — это наконец-то уснуть. Я забралась к ней под теплое одеяло прямо с этой азбукой и принялась упрашивать со мной позаниматься. Она оживилась, обняла меня и стала показывать пальцем на картинки, а я отвечала и с её помощью делала вывод, какая перед нами буква.

— Что это? — спросила мама, ткнув пальцем в странный серый предмет на рисунке.

— Я не знаю, — пожала я плечами, разглядывая непонятную фигуру.

— Ну подумай. Что здесь нарисовано?

— Я не знаю, — совсем робко ответила я.

— Это ведро! Всё, иди в постель.

— Не похоже, — ответила я и ушла в свою комнату.

Мама подала мне книгу «Садко», они с папой сели на диван, а я забралась на стул. Пока я читала, они молча, с уми-

лением слушали. Для них так и осталось загадкой, почему вдруг ребенок неожиданно зачитал — четко и без запинок.

Думаю, занятия в детском саду и моя наблюдательность просто дали свои плоды. Где-то в семейном альбоме даже есть черно-белый снимок с того дня: я сижу с огромным бантом и увлеченно перелистываю эти страницы. Его сделал папа — в молодости он серьезно увлекался съемкой. У него был хороший фотоаппарат и целый чемоданчик, заменявший портативную лабораторию. В спальне завешивали окна, в ванночках разводили реактивы и включали лампу с красным светом.

Самым волшебным было смотреть, как проявляется изображение. А потом его доставали щипцами и цепляли прищепкой сушиться на веревку.

Я медленно шла по набережной. В полумраке проступил силуэт «Святителя Николая». Его трубу окутал туман, и во всем этом было что-то мистическое. Позади остались шпиль Речного вокзала, неоновые буквы «Свобода» и пустой причал.

Сам пароход, вмерзший в свое бетонное основание под покровом тумана, казался призраком из другого времени. Собранный в Тюмени по заказу миллионера Сибирякова, он долгое время оставался самым быстрым судном Енисея и настоящей гордостью реки.

Корабль-парадокс. На этих самых досках в 1891 году стоял цесаревич Николай, будущий последний император, а

всего через шесть лет в каюте третьего класса сидел молодой Ленин, которого судно везло в ссылку. Два полюса Революции, расколовшей страну, когда-то дышали здесь одним воздухом.

А потом, в шестидесятых, его выбросили гнить под Енисейском, превратив в баржу для мазута. Он должен был исчезнуть, но его спас упрямый местный токарь Лев Арутюнов. Он поднял архивы, доказал историческую ценность судна, преодолел чиновничью бюрократию и вернул его к жизни в семидесятом. Сейчас этот гигант застыл здесь навечно как музей, тихий памятник ушедшим эпохам.

До автобусной остановки оставалось пять минут пути. Я подумала: «А ведь скоро мой день рождения. Интересно, какая будет погода и что сейчас крутят в „Киномаксе“?»

Я точно знала из старых городских хроник, что пятого января 1975 года в Красноярске валил мягкий, пушистый снег, укрывая сонные улицы. Это было обычное зимнее воскресенье. В кинотеатрах были раскуплены все билеты — там шли последние сеансы комедии «Автомобиль, скрипка и собака Клякса», крутили сказку «Варвара-краса, длинная коса». На первых полосах газеты «Красноярский рабочий» крупным шрифтом значились рапорты о выполнении планов пятилетки, а страна трубила о запуске космического корабля «Союз-17». Мир казался огромным и устремленным в будущее.

В этот день на окраине Красноярского края появилась на свет я. Семимесячная, но здоровенькая. Моей кудрявой го-

лубоглазой маме было всего восемнадцать лет.

В окно палаты негромко постучали. Мама приподнялась с кровати и увидела своего парня Генку. Она взяла в руки хрупкий сверток и с улыбкой поднесла к стеклу.

Он посмотрел на меня, затем на маму и выдавил из себя:

— Галь, я завтра уезжаю в Енисейск.

— А я?

— А ты как хочешь. Врач сказал, ребенок доношенный. Значит, по срокам не мой.

Он развернулся и ушел. В одно мгновение моя мама из самой счастливой девчонки превратилась в самую несчастную женщину в мире.

Но на этом удары не закончились. Когда муж бабушки узнал о случившемся, он поставил ультиматум:

— Гальку забирай, а ребёнка оставь в роддоме. Она нам не нужна.

— Через мой труп! — ответила ему бабушка.

Много лет спустя я буду называть этого человека с огромной теплотой и любовью — «дедушка». А бабуля станет оберегать меня всю свою жизнь.

Их звали Татьяна и Владимир. Дети войны, они разделили

на двоих всю тяжесть того времени. Судьба удивительным образом отметила их: они появились на свет в один и тот же год, в один месяц, с разницей всего в пять дней. Бабушка родилась четырнадцатого, а дедушка — девятнадцатого августа.

К моменту их встречи оба уже познали горькое вдовство, и у каждого за плечами осталось по трое детей. Их жизни переплелись, когда обоим исполнился сорок один год. Две семьи соединились под одной крышей.

Бабушка всегда очень трепетно относилась к их общему празднику. Она просила всех нас приезжать в гости именно девятнадцатого августа, чтобы мы поздравляли их вместе. И огромная семья съезжалась со всех сторон, часто даже не сговариваясь.

Накрывали большой стол, стоявший у окна. Сквозь красивые занавески виднелись кусты малины, высаженной рядами. Пока взрослые хлопотали по кухне, вся детвора разбредалась по палисаднику в поисках спелых ягод. А потом бабушка поила нас парным молоком.

Она ловко и быстро напекала огромную стопку блинов, лепила пельмешки, а щи и пюре с тефтелями уже томились в духовке, ожидая гостей. На столе появлялась домашняя сметана, мёд и разные соленья. Этой же компанией в июле ездили на покос, а в сентябре копали картошку.

С самого детства я стремилась попасть к ним на торжество с подарками. Помню, как маленькой девчонкой бегала к

соседке и упрашивала её срезать в палисаднике букет живых цветов для моей бабушки.

А через год из армии вернулся мамин одноклассник. Он был старше мамы почти на два года и оставался тайно влюблен в неё еще с тех пор, как они сидели за одной партой. Полгода парень упорно приезжал к ней на своем зеленом «Восходе» при полном параде: в выходном костюме и туфлях. До самых морозов они разговаривали через калитку, пока дед не сжалился и не пригласил его в дом.

Я сидела на полу просторной кухни, колупала известь на побеленной печке и пробовала её на вкус. Открылась входная дверь, и он появился в клубах пара от морозного воздуха.

— Папа! — сказала я чётко и поползла к нему навстречу.

Когда мне исполнилось полтора года, они поженились. Так я обрела отца и стала Холодухиной Ольгой Викторовной.

Какое-то время мы все вместе жили у родителей папы, где меня искренне любили. Моя родня стала больше в три раза. Здесь были свои традиции. Мне запомнились пикники в лесу у ручья и поездки с ночёвкой на рыбалку, застольные беседы за большим столом после покоса и сбора урожая.

Дом стоял у самого леса. Летом мы собирали много душистой земляники. У бабушки Вали во дворе была большая печь с высокой трубой, на которой она готовила в летнее время. До сих пор помню её горячие пышки с холодным молоком на рассвете. Представьте: низко над землей висит туман,

он буквально путается в ветках деревьев, и медленно поднимается солнечный диск. В этом было что-то сказочное.

Постепенно, год за годом, тот конфликт мамы с бабушкой сгладился, а старые обиды уступили место семейному теплу. Вскоре мама с отцом получили ордер на двухкомнатную квартиру от завода, где они оба работали. Удивительно, но я фрагментами помню наш переезд.

Мой папа в молодости был очень красивым: жгучие черные волосы, выразительные карие глаза, густые брови и живой взгляд. Его внешность и харизма потом еще долго оставались поводом для маминой ревности. Про него говорили: «золотые руки». Он умел делать всё — от художественных фотографий до сантехники.

К Новому году он всегда ставил в зале большую елку, а мама её наряжала. Мой день рождения превращался в настоящее волшебство: я просыпалась, бежала в комнату босиком, а там, в утренней тишине, гирлянда на ветках уже мигала цветными огнями.

Мама потрясающе готовила и обязательно пекла к празднику какой-нибудь фирменный торт. И вся эта огромная родня гостила у нас в мой день рождения. Дети веселились за одним столом, взрослые — за другим. Было много подарков и внимания.

Когда мне исполнилось шесть лет, я случайно узнала главную семейную тайну.

— У Ольги отец неродной! — выкрикнула соседская дев-

чонка Катька, когда мы гуляли компанией во дворе.

— Ты что врёшь? — оборвала я её.

— Твоя мамка вчера с моей на кухне разговаривала и плакала. Я всё слышала.

— Ну рассказывай, что ты там слышала!

И из Катьки полилась моя история в самых ярких красках.

— Оля, не слушай её! Она просто злится, что мы с ней не играем, вот и сочиняет. Хочешь, мы ей морду набьём? — заступилась за меня Света.

— Нет, не надо. Если надо будет, я сама её отлуплю!

И я побежала домой. Нашла в ящике со старыми бумагами своё свидетельство о рождении и сверила даты. На бланке стоял фиолетовый штампик «повторное».

— Мама, а почему у меня на свидетельстве есть такой штампик, а у сестрёнки нет?

— Просто твои документы потеряли во время переезда, вот и пришлось делать новые.

— А, ну ладно.

Я сделала вид, что поверила. Положила метрику обратно

и побежала на улицу гулять.

За бытовой рутиной взрослые часто не замечают, как взрослеют их дети. Читать я научилась рано, уже знала цифры до ста и смогла без труда сопоставить все факты. Ни мама, ни Катька врать совершенно не умели — их всегда выдавали глаза.

Первый класс я закончила на одни пятерки, и на последнем звонке мне выпала честь звенеть в колокольчик, сидя на плече у рослого выпускника. А потом мы с соседкой Светкой стояли перед школой и смотрели на солнце через бутылочное стеклышко.

— А давай посчитаем, в каком году мы школу закончим! И в каком году нам будет по двадцать лет! — предложила я.

— Давай! — согласилась она.

— Ой, в девяносто пятом, в двадцать лет, я буду такой старой, — вздохнула я. Потом бросила стекло на обочину и побежала домой.

Историю о моем рождении мама сама решила рассказать мне гораздо позже, перед моим выпускным в восьмом классе. Только для меня это уже давно не было тайной. Просто все эти годы я молчала, чтобы не тревожить родителей.

— А почему ты у меня никогда об этом не спрашивала?

— удивилась тогда мама, когда всё открылось.

— Потому что у меня есть папа. Я его люблю, и другой мне не нужен.

Про таких, как я, говорят — бесстихийница. Я родилась по древнему календарю в тот самый уникальный период года, когда все земные стихии спят. Время абсолютного покоя природы, когда ни земля, ни вода, ни огонь, ни ветер не дают человеку своей явной силы.

И в этот момент безмолвия мир в лице самых близких мужчин, которые должны были стать нашей с мамой опорой, просто отверг меня. Они жестко и равнодушно заявили: «Мы тебя не любим. Тебя здесь не ждали. Ты нам не нужна».

Но именно там, где мир закрыл передо мной двери, я научилась всего добиваться сама. Если стихии спят, значит, ты сама становишься своей главной силой.

Погруженная в эту ностальгию, я вошла в последний автобус, битком набитый запоздавшими пассажирами. Домой вернулась ближе к одиннадцати вечера. Когда я открыла дверь, Тёма, как всегда, сидел у порога. Пока я раздевалась, он крутился у моих ног — проголодался и выпрашивал вкусняшки. Засыпали мы снова вместе.

Утром меня разбудил звук сообщения на телефоне. Написал Пашка. Он только вернулся из поездки в горы и жаловался на спину. Договорились встретиться в студии пятого. Это был мой самый необычный день рождения. Я так

сильно хотела, чтобы у него не болела спина, что сделала ещё один шаг в незримое...